

АУТОМОРТАЛЬНАЯ ТРЕВОЖНОСТЬ КАК СУБЪЕКТНЫЙ ФЕНОМЕН¹

© 2013 г. Т. А. Гаврилова

Кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии образования, Дальневосточный федеральный университет, Школа педагогики, г. Уссурийск; e-mail: tgavrilovaster@gmail.com

Аутомортальная тревожность раскрыта в контексте психологии субъекта как переживание человека по поводу собственной смертности, связанное с экзистенциальной угрозой в отношении реализации его субъектных функций. Выделены содержательные аспекты аутомортальной тревожности в функциональном поле субъекта (когнитивном, регулятивном и коммуникативном). Показана перспективность такой концептуализации для продвижения в теоретическом и эмпирическом исследовании.

Ключевые слова: тревога и страх смерти, аутомортальная тревожность, психология субъекта, системно-субъектный подход, когнитивная, регулятивная и коммуникативная функция субъекта.

Проблема тревожности в психологической науке изучается в самых разных аспектах и накопила определенные традиции в подходах и методах. Имея важное теоретическое и практическое значение в свете вызовов и угроз современной ситуации в обществе, она остается актуальной при том, что в последние годы наблюдается значительное продвижение в ее разработке. Одним из наименее изученных аспектов тревожности, на наш взгляд, остается вопрос о тревожности, связанной с осознанием человеком факта своей неустранимой смертности – аутомортальности (от лат. *auto* – “сам” и греч. *morte* – “смерть”). При всем том, что тема “человек и смерть” в известном смысле носит уже привычный характер в философии, в психологии ей уделяется гораздо меньше внимания по сравнению с другой тематикой. И если она все-таки становится предметом изучения, то преимущественно в эмпирическом или клиническом плане. Теоретических изысканий в этом поле пока явно недостаточно. На наш взгляд, этот дефицит может быть восполнен посредством построения концепции аутомортальной тревожности с позиций субъектного подхода. Целью предлагаемой статьи является изложение результатов изучения возможностей концептуализации аутомортальной тревожности как субъектного феномена. Реализация поставленной цели состояла в последовательном решении следующих задач: (1) обоснование

терминологической адекватности названия феномена – “аутомортальная тревожность”, (2) ориентация в различных направлениях субъектного подхода в психологии и (3) рассмотрение генерации аутомортальной тревожности в сферах когнитивного, регулятивного и коммуникативного функционала субъекта.

СТРАХ, ТРЕВОГА, ТРЕВОЖНОСТЬ ПО ПОВОДУ СМЕРТИ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ НЮАНСЫ

Мы исходим из представления аутомортальной тревожности² в качестве базовой модальности отношения человека к такому своему атрибуту, как смертность (аутомортальность). Аутомортальность открывается человеку опосредованно, через когнитивно-рефлексивные процессы, и, несмотря на определенную зависимость от актов “социального конструирования”, всегда включает в свое содержание оттенок *угрозы*. Каким бы образом ни конструировалась и ни понималась перспектива конечности индивидуального существования, она всегда будет содержать как минимум *угрозу утраты*. Представление тревожности в качестве базовой модальной формы отношения

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ (грант № 12-06-00197).

² В понятие “тревожность” мы вкладываем смысл родового конструкта для обозначения феноменов тревоги и страха без их дифференциации и без дифференциации тревожности на состояние и диспозицию.

человека к своей смертности имеет солидную традицию в философии и психологии (М. Хайдеггер, П. Тиллих, Э. Беккер, И. Ялом, Дж. Рейнгольд, Ш. Соломон, Т. Пищинский, Дж. Гринберг и др.).

Терминологически понятие “аутомортальная тревожность” близко к таким понятиям, как “страх смерти” (*fear of death*) и “тревога смерти” (*death anxiety*), но является более узким и однозначным. Так, тревога/страх смерти включает в себя не только озабоченность личной кончиной, но и другие виды обеспокоенности: тревогу по поводу смерти близких, тревогу по поводу “после жизни”. Все эти виды беспокойства, конечно, неразрывно связаны друг с другом, но все-таки представляют собой различные феномены. О необходимости такого дифференцированного подхода к страху/тревоге смерти пишет и известный экзистенциальный психолог и психотерапевт И. Ялом. Рассматривая содержание понятий “тревога смерти”, “страх смерти” и “ужас смерти” в качестве синонимов, он также отмечает, что их сутью является страх личной смерти, личного уничтожения. “Страх боли, – считает он, – несомненно, лежит по эту сторону смерти; страх посмертной жизни лишает смерть ее смысла как конечного события; страх за других – это, разумеется, не страх, связанный с собой. Страх личного исчезновения – вот что должно составлять суть беспокойства...” [17, с. 50–51]. Перспективность указанного подхода давно осознана, и его разработка реализована в области танатопсихологических исследований. Это проявляется, например, в разработке методик оценки беспокойства по поводу смерти, в которых либо выделяются отдельные шкалы, касающиеся страха собственной смерти и страха смерти других [19], либо же такая дифференциация закрепляется в названии методики – “Шкала страха личной смерти” [21]. Эмпирические исследования, выполненные с применением подобных методик, подтверждают правомерность такой нюансировки страха/тревоги смерти [22]. Все это привело нас к оформлению такого понятия, как “аутомортальная тревожность” (от лат. *auto* – “сам” и греч. *morte* – “смерть”), которое содержательно охватывает тревогу и страх человека по поводу собственной смерти.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ СУБЪЕКТНОГО ПОДХОДА

В отечественной психологии последних десятилетий субъектный подход признается одним из наиболее перспективных, позволяющих объединить в себе естественно-научную и гуманитар-

ную парадигмы исследования человека. С точки зрения этого подхода открываются новые перспективы в изучении страха/тревоги смерти, которые предстают как особого рода субъектные феномены.

Субъект как метасистема представляет психику в единстве ее организации, позволяет изучать человека целостно, а его внешнюю активность – как опосредованную внутренним миром. Изначально возникшее в философии познания понятие субъекта было творчески переработано С.Л. Рубинштейном и включено в психологическую науку как новый методологический принцип. Ученики С.Л. Рубинштейна, А.В. Брушлинский и К.А. Абульханова-Славская, продолжили развивать идеи учителя в новую психологическую парадигму, которая на сегодняшний день имеет большое количество авторитетных приверженцев (Л.И. Анцыферова, В.В. Знаков, Е.А. Сергиенко, С.Д. Дерябо, В.Э. Чудновский, А.К. Осницкий, В.И. Слободчиков, Г.А. Цукерман, Е.И. Исаев, Т.П. Скрипкина и др.). Основной посылкой субъектной парадигмы является признание активно-преобразующего и системно-интегративного начала в человеческой психике. Эта идея, конечно, никогда не была чужда отечественной психологии: под разными ракурсами инициативно-творческие аспекты личности изучались в работах таких известных ученых, как А.Н. Леонтьев, В.В. Давыдов, Д.Б. Эльконин, Л.И. Божович, А.Г. Асмолов, В.А. Петровский. И, как показала Л.И. Анцыферова, эта же идея занимает ключевое место в ведущих зарубежных теориях личности А. Адлера, А. Маслоу, К. Роджерса, К. Юнга, К. Хорни и др. [1, с. 29–30].

Центральной проблемой субъектного подхода является разноречивость мнений по поводу общих критериев субъекта. К настоящему времени, по мнению Е.А. Сергиенко [12, с. 50–52], в этой сфере сложилось два противоположных подхода: акмеологический и эволюционный.

Большинство отечественных психологов придерживаются акмеологического понимания субъектности человека, согласно которому субъект представляется вершиной развития личности (К.А. Абульханова, А.Г. Асмолов, А.Л. Журавлев, В.В. Знаков, В.А. Петровский, З.И. Рябикина, Г.В. Залевский и др.). При всей привлекательности такого подхода он, по мнению Е.А. Сергиенко, приводит к нарушению континуально-генетического принципа, введенного в основание психологии субъекта А.В. Брушлинским. Такое нарушение не позволяет объяснить то, как человек приходит к этому высшему уровню своего разви-

тия, кем он был до этого и почему даже на высших уровнях своего бытия он может перестать быть субъектом?

Эволюционное понимание субъектности (Л.И. Божович, В.Н. Слободчиков, А.Ш. Тхостов, В.В. Селиванов, Е.А. Сергиенко) “снимает” эти вопросы и предполагает ее постепенное развитие в онтогенезе. Более того, Е.А. Сергиенко показывает возможность объединения акмеологического и эволюционного понимания критериев субъектности посредством объединения субъектно-деятельностного и системно-эволюционного подходов в единый системно-субъектный подход. В сочетании с континуально-генетическим принципом такой подход позволяет представить критерии субъектности как уровневые характеристики. По мере развития человека происходит развитие разных уровней его субъектности (протосубъектный уровень, уровень агента, уровень наивного субъекта и др.), которые образуют целостное единство и уникальную индивидуальность. При этом также признается, что субъектом человек не рождается, а становится. Но, в отличие от акмеологического понимания субъекта, человек становится субъектом уже в раннем онтогенезе в результате становления гетерархично организованных определенных уровней развития субъекта.

Предложенная Е.А. Сергиенко концепция включает в себя также и соотношения развития субъекта с развитием личности. Личность, с ее точки зрения, выступает стрелковой характеристикой субъекта, задающей общее направление самоорганизации и саморазвитию. “Метафорически это соотношение можно представить в виде командного и исполнительного звеньев. Личность задает направление движению, а субъект – его конкретную реализацию через координацию выбора целей и ресурсов человека. Тогда носителем содержания внутреннего мира человека будет выступать личность, а реализацией в данных жизненных обстоятельствах, условиях, задачах – субъект” [10, с. 58–59].

На примере раннего онтогенеза Е.А. Сергиенко раскрывает развитие человека в континууме “личность–субъект”. Она выделяет в качестве первичных образующих Я-концепции личности экологическое Я и интерперсональное Я, появляющиеся спонтанно после рождения и активно функционирующие в составе Я-концепции личности на протяжении всей жизни, изменяясь и развиваясь. Развитие этих Я зависит от становления двух уровней протосубъектности – первичной и вторичной, позволяющих вначале выделять себя из физического и социального миров, а затем

устанавливать “треугольные отношения”, включающие одновременно себя, физический объект и другого человека.

Уровни развития субъектности Е.А. Сергиенко связывает со специфическими функциями, выделяющими категорию субъекта среди других категорий психологической науки. Основываясь на взглядах Б.Ф. Ломова, она выделяет три функции, обладающие одновременно статусом субъектности и системности. Это – когнитивная (понимание), коммуникативная (субъект-субъектные и субъект-объектные взаимодействия) и регулятивная (контроль поведения и самопроизвольность) функции [12, с. 128]. Выделение специфически субъектных функций позволяет не только уточнить критерии субъектности, дифференцировать структуры личности и субъекта, но и полнее представить картину уровневого развития субъекта. Особенно продуктивным, на наш взгляд, в этом подходе к выделению критериев субъектности является то, что содержание субъектного функционала может быть приведено в соответствие с базовыми экзистенциальными данностями: проблемами смысла (понимание), изоляции (коммуникации) и свободы (контроль поведения и самопроизвольность) человеческого бытия.

ФУНКЦИИ СУБЪЕКТА И АУТОМОРТАЛЬНАЯ ТРЕВОЖНОСТЬ

Обращаясь с точки зрения системно-субъектного подхода к аутомортальной тревожности, можно раскрыть ее как переживание человеком экзистенциальной угрозы в отношении реализации своих субъектных функций. Каждая из этих функций “спотыкается” о факт нашей смертности. Аутомортальность затрагивает субъектность человека во всех ее функциональных аспектах, причем не только “там и потом”, но и “здесь и сейчас”, не только проспективно, но и актуально. Рассмотрим это подробнее.

В сфере когнитивного функционала аутомортальность в силу своей эмпирической непознаваемости, непредсказуемости и неизбежности очерчивает границы возможностей субъекта для понимания и самопонимания, бросает вызов когнитивным амбициям субъекта. Человек не просто не может эмпирически понять смерть, он не может понять – *почему* он смертен и *ради чего* ему нужно жить. Осмысление смерти связано со всей системой жизненных смыслов личности. Этот момент специально оговаривается Дж. Келли, который включил оппозицию “Смерть–Я” (*Death–*

Self) в ядерный личностный конструкт и назвал смерть парадигмальной угрозой всей системе личностных конструктов как “заточенных” на феномены жизни (см. в: [24, с. 324]).

Связь проблем смертности человека и смысла его жизни – вечный предмет размышлений многих философов, писателей, психотерапевтов и вообще людей в целом. Известный французский философ и танатолог В. Янкелевич пишет: “Смерть приводит нас к сомнению в смысле бытия и рано или поздно начинает шептать человеку на ухо: *А для чего?* Старейший миллиардер в конце концов, в свою очередь, начинает слышать три слога этого тайного вопрошания в тот день, когда задает себе вопрос: для кого и зачем он собрал столько богатств, накупил столько ценных владений, накопил столько сокровищ?.. Даже если бы постижимые сущности и истины вечно бы переживали смерть, смерть отбрасывала бы все же тень сомнения на смысл жизни. То, что уничтожает бытие, тем самым компрометирует смысл” [18, с. 72].

Действительно, непостижимость смерти угрожает всей смысловой системе и когнитивному потенциалу субъекта, выстраивает смысловые барьеры в жизненном мире человека. Однако эта угроза не фатальна, потенциально она задает новый вектор в смысло-жизненном поиске субъекта: обрести смысл жизни, который был бы независимым от аутомортальности, преодолевал бы ее угрозу. И. Ялом пишет об этом так: “Когда Толстой сокрушался, что в его жизни нет смысла, который не будет разрушен неминуемой смертью, он говорил не о том, что смерть разрушает смысл, а о том, что он не смог найти смысл, который разрушил бы смерть” [17, с. 521]. Конечно, создание таких смыслов – очень нелегкая и амбициозная задача, но надо иметь в виду и то, что смыслообретение вряд ли было бы легче в условиях человеческого бессмертия.

По меткому замечанию В.В. Знакова [6], самопониманию открываются скорее не истины о себе, а *тайны*, и это в наибольшей степени относится к самопониманию аутомортальности. Именно особой формой тайны предстает смертность в размышлениях В. Янкелевича. Он называет ее приоткрытой или “кводдитой” тайной, вкладывая в этот эпитет не выразимую словами “неопределенную определенность” смерти [18, с. 134]. Человек может определенно понять, что аутомортальность – это неоспоримый факт, но причины, а самое главное – Где, Как и Когда являются для него совершенно неопределенными. И более того, определенности в этих вопросах ему

хочется меньше всего, так как неопределенность сроков позволяет человеку оставаться в субъектной позиции. “Человек бессилен перед необходимостью смерти вообще, которая однажды обязательно нагрянет – неважно, рано или поздно, но он всемогущ или почти всемогущ, когда вопрос встает о дате... Мы свободны вести бесконечную борьбу с ограниченностью наших ресурсов, мы можем свободно противопоставлять наше неистощимое мужество истощению наших сил” [там же, с. 158–159]³.

В рамках анализа предмета данной работы важно отметить также и то, что именно самопонимание инициирует в нас признание аутомортальности как некоей неизбежной угрозы и порождает специфические тревожные переживания по этому поводу. Сталкиваясь с реальными фактами смерти в своем жизненном мире и осмысливая их, личность вынуждена в той или иной мере решать задачу на включение аутомортальности в состав Я-концепции. При этом показательно, что само по себе знание о своей неизбежной смертности может и не находить у человека тревожного отклика. Именно понимание делает аутомортальность реальной, близкой и лично затрагивающей нас и поэтому сопровождается сильными эмоциональными переживаниями. “Узнать, уже заранее зная то, что теперь узнаешь, значит вдруг постичь опытным постижением – конкретным, дышащим жаром эмоции гнозисом (разрядка моя. – Т.Г.), пережитым с захватывающей силой, – то, что раньше мы знали, но не понимали... Смерть для того, кто всерьез, “реально” ее осознает, получает точку локализации в пространстве и времени”, – так пишет об этом В. Янкелевич [там же, с. 20]. Этой же позиции придерживается П. Тиллих, отмечавший, что экзистенциальную тревогу “порождает вовсе не абстрактное знание о небытии, но осознание того, что небытие составляет часть собственного бытия человека” [14, с. 30]. На эмоциональную насыщенность акта самопонимания указывает и В.В. Знаков, солидаризуясь в этом вопросе с К. Роджерсом (см. [5, с. 19]).

Наиболее показательно то, что именно субъектность человека обуславливает его самопонимание аутомортальности и связанные с этим тревожные переживания. Здесь надо заметить, что в рамках субъектного подхода субъектность человека вообще выступает необходимой базой для самопо-

³ К тайне Янкелевич относит и смысл жизни, когда пишет о покрытом тайной мучительном парадоксе осмысленной бессмысленности жизни и делает очень тонкое заключение о том, что “видимо, жизнь не была бы жизнью без некоторой доли бессмысленности!” [18, с. 92].

нимания самых разнообразных феноменов, не только смертности. По мысли С.Л. Рубинштейна, субъектная позиция человека в отношении к жизни связана с появлением рефлексии, которая “как бы приостанавливает, прерывает этот непрерывный процесс жизни и выводит мысленно человека за ее пределы” [9, с. 366]. А рефлексия как сознательный самоанализ, что убедительно показывает В.В. Знаков, входит в самопонимание в качестве его составляющей [5].

О порождающем тревогу эффекте рефлексии пишет И. Ялом, который в качестве источника тревоги видит происходящее в акте глубокой личностной рефлексии *сознание конечной данности*. По Ялому, смерть – это наиболее очевидная и легко осознаваемая конечная данность, сознание которой наполняет нас страхом [17, с. 12–14].

Таким образом, аутомортальность представляет собой угрозу для самопонимания, благодаря которому она вообще становится очевидной для субъекта. Иными словами, мы имеем дело с неким логическим кругом: порождаемое самопониманием понимание угрозы этому самопониманию, а шире – всей смысловой системе человека (парадигмальная угроза, по Дж. Келли). Самопонимание приводит к невозможности самопонимания... Вообще же анализ проблемы самопонимания аутомортальности – это отдельная тема, развитие которой увело бы нас далеко в сторону от изучаемого предмета. Для нас важно выделить то, что самопонимание аутомортальности сопряжено с пониманием ее как актуальной и перспективной угрозы, прежде всего, для когнитивных функций субъекта. Актуально понимание аутомортальности угрожает субъекту утратой смысла жизни и смысловой дезориентацией, а перспективно, после смерти – утратой возможности знать о происходящем в мире, познавать и понимать что-либо вообще (когнитивной депривацией).

Далее, самопонимание аутомортальности включает также понимание угрозы для выполненных других субъектных функций.

В сфере регулятивного функционала субъекта, включающего, по Е.А. Сергиенко, контроль поведения как основу саморегуляции человека [11, с. 70], понимание аутомортальности создает угрозу для регуляции субъектом своей активности, а в более широком смысле – для свободы субъекта в его активности. Связь саморегуляции со свободой подчеркивал еще С.Л. Рубинштейн, когда выделял три аспекта проблемы свободы: как самоопределения, как свободы человека в общественной жизни и как свободы в спинозовском

смысле (контроль сознания над стихией собственных влечений) [9, с. 373].

Субъекту в понимании своей неустранимой конечности открывается перспектива невозможности сохранить себя, а через это – ограниченности в инициации и осуществлении жизненных проектов. Вообще-то субъект всегда ограничен в своих проектах сопротивлением объекта, но в данном отношении он также ограничен собственной хрупкостью. Атрибут аутомортальности входит в основание жизненного выбора и деятельности субъекта. Как пишет известный американский исследователь восточных путей обретения человеком свободы А. Уотс, труд человека всегда есть соперничество со смертью, он заражен страхом смерти, так как “труд есть то, что должно быть сделано для выживания” [15, с. 184]. Несколько с другой стороны представляет деятельность и жизненные выборы человека в аспекте аутомортальности С.Л. Рубинштейн. Он пишет об этическом основании жизненных выборов, налагаемых аутомортальностью на человека: “...наличие смерти превращает жизнь в нечто серьезное, ответственное, в срочное обязательство, срок выполнения которого может истечь в любой момент” [9, с. 369]. Примерно то же отмечает и В. Янкелевич, подчеркивая факт, что наличие смерти создает проблему потери времени: “Время жизни – это ограниченное время, а его конечность сообщает ему организацию, определенность и периодичность...” [18, с. 94].

Что наиболее интересно, В. Янкелевич, в отличие от других экзистенциалистов, видит в способности человека к выбору не проявление его свободы, а скорее ограничение, налагаемое на него аутомортальностью. Он пишет: “...что же касается свободы принятия решения в эмпирической сфере, то ею человеческое существо подтверждает и утверждает свою односторонность, соглашается со своей конечностью (разрядка моя. – Т.Г.) и принимает проклятье альтернативы... жадная человеческая природа, конечно, предпочла бы вообще обойтись без выбора, ей, пожалуй, хотелось бы захватить все несовместимые преимущества” [там же, с. 115]. И далее: “... учитывая, что конечность нельзя преодолеть ни в коем случае, нам предоставлена достаточная свобода действий относительно способов быть конечными; совмещение противоположностей для нас невозможно, однако выбор наилучшего зависит от нас” [там же, с. 116].

Субъектный контроль поведения, по Е.А. Сергиенко, выступает интегративной характеристикой, включающей когнитивный контроль, эмоцио-

нальную регуляцию и контроль действий (произвольность) [11, с. 70]. Можно предположить, что аутомортальность угрожает регулятивным амбициям субъекта на всех этих уровнях. Так, в плане когнитивного контроля за своим поведением аутомортальность угрожает самосохранению субъекта непредсказуемостью своей актуализации⁴. Это обстоятельство имеет два аспекта – внешний и внутренний. Нечто или некто извне могут выступить в качестве актуализаторов нашей аутомортальности, но она также может актуализироваться и без всяких внешних воздействий, в силу внутренних, генетических причин. Именно последнее обстоятельство угрожает нашему когнитивному контролю над своим поведением, обнаруживая экзистенциальные границы, за которыми неминуема безвозвратная утрата адаптации и самосохранения.

Далее, аутомортальность предстает угрозой и на уровне эмоциональной регуляции. В целом это огромный пласт механизмов, психологическая разработка которых включает обширную тематику и еще ждет своего исследователя. На настоящий момент наиболее проработанный путь в этом направлении – исследования психологических защит и стратегий совладания со страхом смерти и тревогой по ее поводу. В контексте системно-субъектного подхода защитно-совладающие феномены как проявления контроля поведения собираются в единое пространство регулятивной функции субъекта [4, 11]. Проблема аутомортальной тревожности касается и этого аспекта регулятивного функционала субъекта: она включает в себя и возможность развития своеобразного *страха страха*. Человек начинает беспокоиться не только по поводу своей смертности вообще, но и возникающей в связи с этим тревожности. Аутомортальность в силу неустрашимости ее оснований создает почву для хронического статуса тревожных переживаний по ее поводу. Это обуславливает необходимость психологической защиты от этой тревожности или совладания с ней. Человек не может устранить угрозу, исходящую от его смертности, но и постоянно жить в тревожном состоянии, не регулируя его, – значило бы пребывать в состоянии хронической дезадаптации.

Проблема психологической адаптации к страху и тревоге смерти находит свое решение в работах И. Ялома [17], Р. Файрстоуна [20], теории управления ужасом [23]. В отечественной психологии

на эту тему имеются пока единичные работы [2]; исследования в поле танатопсихологии направлены преимущественно на изучение ценностно-смысловых аспектов отношения человека к смерти [7, 8, 16]. На наш взгляд, постановка проблемы психологических защит и совладаний с аутомортальной тревожностью в контекст проблематики психологии субъекта и личности открывает широкие перспективы для дальнейших исследований и представляет большой теоретический и практический интерес.

Суммируя соображения, касающиеся рассмотрения аутомортальности в сфере регулятивного функционала субъекта, можно предложить следующее: аутомортальность по отношению к реализации регулятивных функций субъекта выступает как проспективная угроза утратить возможность самосохранения и как актуальная угроза сорвать адаптацию из-за неверности жизненных выборов и/или эмоциональной неуправляемости.

Обратимся к коммуникативной функции субъекта: Е.А. Сергиенко предлагает специфицировать ее через представление о субъект-субъектных и субъект-объектных взаимодействиях [10–12]. Иначе говоря, субъект выступает как инициатор, автор своих взаимодействий с другими людьми и миром в целом. Каким образом и посредством чего аутомортальность может угрожать выполнению этой функции?

И. Ялом говорит о трех типах изоляции в человеческой жизни: межличностной, внутриличностной и экзистенциальной. С проблемой человеческой конечности он связывает именно экзистенциальную изоляцию. “Экзистенциальная изоляция, – пишет он, – связана с пропастью между собой и другим, через которую нет мостов. Она также обозначает еще более фундаментальную изоляцию – отделенность между индивидом и миром” [17, с. 400]. В этом он солидарен с Хайдеггером и многими другими известными философами: никто не может забрать смерть у другого, каждый умирает в одиночестве, со смертью этот мир и эти люди исчезают для человека.

Однако есть основания предполагать, что смертность угрожает нам не только в аспекте экзистенциальной изоляции – межличностная и внутриличностная сферы также оказываются под угрозой. И не только проспективно – в форме окончательного отделения от других и аннигиляции Я в посмертии, но и актуально, прижизненно. Конкретизация этого предположения в многочисленных аспектах сферы человеческих взаимодействий открывает перспективу для дальнейших разработок, но в настоящей работе увела бы нас

⁴ Как говорил Воланд у М. Булгакова: “Да, человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внешне смертен, вот в чем фокус! И вообще не может сказать, что он будет делать в сегодняшний вечер” [3, с. 14].

далеко от предмета исследования. Тем не менее отдельные социально-психологические приложения напрашиваются сами собой уже сейчас.

Так, с точки зрения Т.В. Скрипкиной, фундаментальным условием взаимодействия человека с миром является доверие, а доверие человека самому себе выступает как фактор проявления его субъектности [13, с. 4–5]. На наш взгляд, понимание аутомортальности вносит в систему взаимодействий человека элемент бдительности и осторожности, угрожая построению доверительных отношений между ним и миром, а также – с самим собой. “Я потратила на него лучшие годы своей жизни”, – сетует женщина, будучи разочарованной в своей доверии по отношению к другому человеку. “Стоит ли тратить на это время?” – тоже частый вопрос, который мы задаем себе. Жизнь конечна, и эта заданная аутомортальностью граница лежит наравне с другими в основании наших доверительных отношений.

Более того, в перспективе субъект в силу своей смертности неизбежно станет объектом для других людей и мира в целом. Он станет мертвым телом, и другие люди смогут сделать с ним всё, что захотят, а он не сможет никак повлиять на это. Что более актуально – другой человек или аспект мира могут выступить в качестве субъекта наступления смерти, став нашим врагом или случайным убийцей. Такой аспект взаимодействия субъект всегда вынужден иметь в виду при установлении доверительных отношений, и это создает для него определенную угрозу межличностной изоляции.

То же самое можно сказать и по отношению субъекта к самому себе. Аутомортальность выступает как атрибут личности и субъекта, который невозможно полностью устранить или изменить – мы как бы “заминированы” непредсказуемой аутомортальностью. Внутриличностная изоляция, по Ялому, – это процесс, посредством которого человек отделяет друг от друга части самого себя. В этом аспекте мы, не имея возможности повлиять на свою смертность, оказываемся изолированными внутрилично от нее и, что самое парадоксальное, дополнительно всеми силами блокируем от осознания ту часть, которая связана с пониманием аутомортальности. Разве это не угроза для доверия к себе, “сворачивающая” наши проявления субъектности?

Заключая размышления об аутомортальности в контексте коммуникативного функционала субъекта, в самом общем виде можно предположить, что в этой сфере аутомортальность выступает для него как перспективная угроза неизбежной изоля-

ции, утраты всех его взаимодействий – с другими людьми, с собой и миром в целом. Актуально же эта угроза предстает как экзистенциальная угроза доверию миру и самому себе, вынуждая субъекта быть бдительным и осторожным в своих взаимодействиях с другими людьми, разными фрагментами мира и самим собой.

Конкретизируя аспекты угрозы аутомортальности в сфере различных функций субъекта, важно подчеркнуть ее системный характер – она угрожает всей системе человека. Хотя, по-видимому, в индивидуальной репрезентации этой угрозы у человека ее аспекты могут выступать с разной силой и быть по-разному организованными во внутренних взаимосвязях, создавая, таким образом, уникальное переживание.

В целом же аутомортальность бросает вызов человеку во всех его субъектных притязаниях, “намекает” на его ограниченность в этом и потенциальную объектность. Здесь уместно обратить внимание на то, что, в принципе, время от времени каждому человеку приходится переживать себя объектом. И есть основания предполагать, что эти переживания негативны для его субъектности. Например, В.В. Знаков приводит пример переживания больного человека после того, как он стал *объектом* врачебных манипуляций, и несмотря на то, что они принесли ему облегчение в физическом состоянии, вызвали целый спектр депрессивных эмоций [6, с. 68]. Возможно также, что чем выше уровень субъектности человека, тем более чувствителен он к пребыванию в статусе объекта. Даже временное снижение уровня субъектности в какой-либо из сфер жизни может вызвать беспокойство – что уж тут говорить о перспективе тотальной и неизбывной объектности.

Таким образом, в свете системно-субъектного подхода аутомортальность предстает как многогранная угроза разворачиванию активности субъекта во всех его базовых функциях. Угрожающее содержание аутомортальности перспективно и актуально задает основу для тревожных переживаний субъекта по отношению к ней. Аутомортальная тревожность выступает базовой модальной формой отношения субъекта к открывшемуся ему в актах самопознания и самопонимания атрибуту личной смертности. И именно субъектность человека проясняет особое содержание в специфически человеческом феномене предвосхищения собственной конечности и порождает особый вид тревожности, связанный с этим предвосхищением.

Представленная здесь концептуализация аутомортальной тревожности как субъектного фено-

мена, на наш взгляд, позволяет открыть новые направления в ее исследовании. Одним из таких направлений является раскрытие новых аспектов в качественном своеобразии страха и тревоги по поводу смерти на протяжении онтогенеза. До сих пор в исследованиях этой проблемы преобладали тенденции к поиску связи с индивидуальными и возрастными особенностями развития личности и не затрагивались субъектные характеристики человека. Новые перспективы можно увидеть и для исследования психологических защит от аутомортальной тревожности, а также – стратегий совладания с ней. Интересные аспекты открываются и в поле исследования психологии доверия. Все эти и другие линии возможной разработки проблемы аутомортальной тревожности раскрывают новый ракурс в психологии субъекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анциферова Л.И.* Психологическое содержание феномена субъект и границы субъектно-деятельностного подхода // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Володиной, В.Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000. С. 27–42.
2. *Баканова А.А.* Отношение к жизни и смерти в критических жизненных ситуациях: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2000.
3. *Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита. Роман. Театральный роман. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987.
4. *Ветрова И.И.* Связь совладающего поведения с контролем поведения и психологической защитой в системе саморегуляции // Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2008. С. 179–196.
5. *Знаков В.В.* Самопонимание субъекта как когнитивная и экзистенциальная проблема // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 1. С. 18–28.
6. *Знаков В.В.* Самосознание, самопонимание и понимающее себя бытие // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 3. С. 65–74.
7. *Коваленко С.В.* Отношение к жизни и смерти подростков, совершивших гомицидные действия: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2007.
8. *Орлова Ю.В.* Смысловые установки личности в понимании жизни и смерти: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2007.
9. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб: Питер, 2003.
10. *Сергиенко Е.А.* Континуально-генетический принцип становления субъекта // Субъектный подход в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 50–66.
11. *Сергиенко Е.А.* Субъектная регуляция совладающего поведения // Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2008. С. 67–83.
12. *Сергиенко Е.А.* Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 120–132.
13. *Скрипкина Т.П.* Психология доверия: Учеб. пособие для студентов высших пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2000.
14. *Тиллих П.* Избранное: Теология культуры. М.: Юрист, 1995.
15. *Уомс А.* Психотерапия. Восток и Запад: пер. с англ. М.: Весь мир, 1997.
16. *Шутова Л.В.* Смысложизненные и ценностные ориентации в отношении к жизни и смерти у лиц юношеского возраста: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Таганрог, 2005.
17. *Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия. М.: Независимая фирма “Класс”, 2000.
18. *Янкелевич В.* Смерть: пер. с франц. М.: Изд-во Литературного института, 1999.
19. *Collett L., Lester D.* The fear of death and fear of dying // Journal of Psychology. 1969. V. 72. P. 179–181.
20. *Firestone R.W.* Psychological defenses against death anxiety // Death anxiety handbook: Research, instrumentation, and application / Ed. R.A. Neimeyer. Washington, DC: Taylor & Francis, 1994. P. 217–241.
21. *Florian V., Kravetz S.* Fear of personal death: attribution, structure and relation to religious belief // Journal of Personality and Social Psychology. 1983. V. 44. P. 600–607.
22. *Loo R., Shea L.* Structure of the Collet-Lester Fear of Death and Dying Scale // Death studies. 1996. V. 20. P. 577–586.
23. *Pyszczynski T., Greenberg J., Solomon S.* A dual process model of defense against conscious and unconscious death-related thoughts: An extension of terror management theory // Psychological Review. 1999. V. 106. P. 835–845.
24. *Shackelford T.D.* Assessing individual differences in Death threat: a brief theoretical and psychometric review of the threat index // OMEGA. 2002–2003. V. 46(4). P. 323–333.

AUTOMORTAL ANXIETY AS A SUBJECT'S PHENOMENON**T.A. Gavrilova**

*PhD, associate professor, head of psychology of education chair,
the Far Eastern
Federal University, School of Pedagogy, Ussuriisk*

The results of anxiety concerning personal mortality (automortal anxiety) study in the context of psychology of a subject are presented. Automortal anxiety is revealed as person's experience associated with the existential threat in respect of its own subject's functions realization. Substantial aspects of automortal anxiety in subject's functional field (cognitive, regulative and communicative) are described in the terms of system-subject approach (E.A. Sergienko). The prospective character of such conceptualization for theoretical and empirical study advancing is shown.

Key words: anxiety and fear of death, automortal anxiety, subject's psychology, system-subject approach, subject's cognitive, regulatory and communicative functions.